

ДЭН
СИММОНС

DAN
SIMMONS

ILIUM
OLYMPUS

ДЭН
СИММОНС

ИЛИОН
ОЛИМП

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С37

Серия «Мастера фантазии»

Dan Simmons
ILIUM
OLYMPUS

Перевод с английского *Ю. Моисеенко*

Компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Симмонс, Дэн.

С37 Илион. Олимп : [романы] / Дэн Симмонс. [перевод с английского Ю. Моисеенко]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 1216 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-108341-0

Терраформированный Марс второго тысячелетия нашей эры. Могущественные игроки, представляющиеся олимпийскими богами, воссоздают Троянскую войну. Профессор Хокенберри из XX века, воскрешенный в чужом мире, призван координировать знаменитые исторические битвы — где воины оснащены микрофонами, а сам Хокенберри может перемещаться в тело одного из легендарных героев. Люди будущего, возмнившие себя богами... Люди, живущие в тепличных условиях мгновенно исполняющихся желаний, — господа или рабы собственной жизни?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Dan Simmons, 2003, 2005

 Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Илион

*Этот роман посвящается колледжу Уобаши —
его студентам, профессорам и преподавателям,
его наследию*

*А между тем воображенье
Мне шлет иное наслажденье:
Воображенье — океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленом снам в зеленый сад.*

Эндрю Марвелл, «Сад»*

*Можно, что хочешь, добыть, — и коров, и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых, —
Жизнь же назад получить невозможно; ее не добудешь
И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.*

Гомер, «Илиада»,
песнь девятая, 406–409**

В горечи сердце — ждет и кусает.

Роберт Браунинг,
«Калибан о Сетевосе»

* Перев. Г. Кружкова.

** Перев. В. Вересаева.

Благодарности

Так как при подготовке к созданию этой книги были использованы различные переводы «Илиады», хотелось бы особенно отметить труд следующих переводчиков: Роберта Фэлгса, Ричарда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чапмена, Роберта Фицджеральда и Аллена Мандельбаума. Красота их творений бесконечно многообразна, а талант превосходит понимание автора.

За поэзию и богатейшую образами прозу, имеющие отношение к «Илиаде», которые помогли придать произведению законченный вид, писатель глубоко признателен У.Х. Одну, Роберту Браунингу, Роберту Грейвзу, Кристоферу Логу, Роберту Лоуэллу, а также Альфреду Теннисону.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернарду Кноксу, Ричарду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, Э. Дж.Б. Вейсу, Ф.Х. Стаббингзу, С. Керений и другим членам *схольи*, список имен которых оказался бы слишком длинен.

За проницательные пояснения по поводу «Калибанов» (Шекспира («Буря») и Браунинга («Калибан о Сетевосе») автор благодарит Гарольда Блума, У.Х. Одена, а также издателей антологии «Norton Anthology of English Literature». Читателей, желающих глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетевосе» и прочих аспектах личности Калибана, писатель отсылает к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным произведением Хелен Вендлер «Искусство шекспировских сонетов».

А большинство замечаний Орфу с Ио, относящихся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста: Путеводитель по книге «В поисках утраченного времени».

Тем, кто пожелает посостязаться с Манмутом в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам: «Шекспир: Изобретение человека» Гарольда Блума, а также «Я и Шекспир: Приключения с Бардом» Германа

За предоставление подробных карт поверхности Марса (до терраформирования) писатель в большом долгу перед НАСА и Лабораторией по разработке ракетных и реактивных двигателей. Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной планеты», опубликованная Национальным географическим обществом и отредактированная Полом Рэбурном, с предисловием и комментариями Мэтта Голомба. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайэнтефик Америкэн». Особая признательность за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999 г.), «Квантовая телепортация» Антона Цейлингера (апрель 2000 г.) и «Как построить машину времени» Пола Девиса (сентябрь 2002 г.).

От автора

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то ни капли не смущались, выставляя рядом с голубыми и серыми героями Гражданской войны зеленых парней из Второй мировой. Мне нравится видеть в этом некий пример загода развившейся «негативной способности», как называл ее Джон Китс. (Еще у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, размахивающий гранатой, но они воевали за Патруль времени; знаете, некоторые исторические несоответствия требуют того, что голливудские деятели упорно кличут «экскурсами в прошлое».)

Однако в нашем случае, как мне кажется, определенная согласованность все же не помешает. Те из читателей, кто уже вкусил великолепный перевод «Илиады» Ричарда Латтимора (1951), не могли не заметить: Hektor, Achilleus и Aias превратились у него в Гектора (Hektor), Ахиллеса (Achilles) и Аякса (Ajax). И тут я целиком согласен с Робертом Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты написания, конечно, далековато ушли от греческого оригинала (Hektor, Akhilleus, Akhaians и Argeioi), но почему-то самые правдоподобные версии звучат для теперешнего слуха точно кашель кошки, подавившейся собственной шерстью. Тот же Роберт Фэглс доказывает, что ни один из переводчиков не может притязать на стопроцентную верность подлиннику. А потому ради более плавного прочтения имеет смысл вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское — или даже современное английское — написание имен богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют лишь те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины — Минерва. И хотя Александр Поуп, потрясающе красиво переложивший «Илиаду» в виде героических рифмованных двустиший, не гнушался подобными метаморфозами, мою личную «негативную способность» здесь зашкаливает. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков *одного* цвета.

Примечание: тем, кто, подобно автору, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в некоем пособии, рекомендую обратить внимание на список основных действующих лиц, находящийся в конце книги.

1

Долины Илиона

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обреченного, гнев, который ахеянам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздраженных и сильных на этом их новом Олимпе; а еще про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощенных собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, глубокозадумчивых и ощущающих мир, но не-слишком-похожих-на-нас, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рожденных на Ганимеде, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрожден-сам-того-не-желая, несчастный и мертвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбеби — для друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далеком-далеком прошедшем.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Ни слову. Ни жесту.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где сам пожелаю. А пожелал я начать ее здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах *схолли* — там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, — получаю вызов от Музы, кровожадные кербериды обнюхивают меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит к зеленым вершинам Олимпа — это семнадцать

миль в высоту по восточному склону, — после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчет предыдущей смены, получаю видоизменяющий браслет, непробиваемые доспехи и с тазером за поясом квитируюсь на вечерние долины Илиона.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город — Илион, или Троя, огромный укрепленный *полис* древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили — и все же мне отчетливо видны гордые стены на возвышении, озаренные сиянием тысяч факелов и костров, длинные закругленные башни, не настолько уходящие в небеса, как убеждает нас Марло, и тем не менее — внушительные, изумительные, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей — строго говоря, никакие они не «греки», появления этого народа ждать еще века и века, но мне привычнее величать их именно так — растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне, я всегда отмечал, при всем почтении к поэтическому гению Гомера, что в действительности сюжетом «Илиады» могла оказаться и незначительная стычка, каких-нибудь несколько тысяч воинов с обеих сторон. Исходя из содержания поэмы, даже самые начитанные знатоки, члены *схоллии*, оценивали численность ахейцев и остальных греков, что приплыли к этим берегам в своих черных кораблях, в полсотни тысяч голов, не больше.

Так вот, они заблуждались. По моим подсчетам, осаждающих более четверти миллиона. Осажденных, вместе с их союзниками, почти вполтину меньше. Похоже, каждый уважающий себя герой с греческих островов поспешил явиться на битву — точнее, на грабеж, — захватив с собой воинов, союзников, слуг, рабов и наложниц.

Потрясающее зрелище: мили и мили палаток, стен из отточенных кольев, долгих рвов, прорытых в здешней твердой почве, — никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для вражеской конницы, — и на всем их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и ярких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для сожжения трупов.

Да, и для трупов тоже.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила щупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. Десять дней хвори унесли больше храбрых ахейцев и данайцев, чем

долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки не сомневаются, что причина бед — ярость Аполлона.

Видел я его — и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Сребролукий» Аполлон — бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный покровитель Трои. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирали. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел «дальноразящего» — в одном греки правы: Аполлон не желает им доброго здравия.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки — а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? — идут на общий совет у ставки Агамемнона, чтобы обсудить, как избавиться от губительной напасти. Я тоже шагаю туда — медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть отдельные происшествия, смещенные волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, во время вооруженной вылазки через Аулис — пролив между Эвбеей и материковой Грецией. А *Эниполесис*, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвертой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и *Тейхоскопию*, как назывался в моих лекциях знаменитый «Смотр со стены». У Гомера Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев аж в третьей песни, однако в действительности...

Впрочем, какая тут может быть *действительность*.

Во всяком случае, вожди собираются этим вечером в ставке Агамемнона, чья ссора с Ахиллесом положит начало «Илиаде», и увлеченному схоластику надлежало бы стремиться туда всей душой. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и распускают перья друг пред другом. Ну выгажит мужеубийца свой меч... Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать остается считанные минуты... Мне решительно и бесповоротно на-пле-вать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрежем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали свое дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда Б-52 и сбрось атомную бомбу прямо на головы ахейцев и троян-

цев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь в ставку Агамемнона. Это моя работа — следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе... Что ж, зарплаты за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого — до горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой и был возрожден ученый схолиаст. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2

Холмы Ардис. Ардис-холл

Реализовавшись из факса неподалеку от дома Ады, Даэман недоуменно заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец — экваториальном и полярном. Гость был сбит с толку: в Уланбате, откуда Даэман явился, отгуляв на Второй Двдцатке Тоби, стояло раннее утро, а здесь... Аду он не навещал уже много лет. И вообще, отправляясь куда-либо, никогда не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Лишь смутно помнил: Седман живет в Париже, Ризир — в собственном доме на скалах Чом, Оно — в Беллинбаде... Вот и все. Впрочем, когда не имеешь понятия ни о расположении материков, ни об их названиях и даже не догадываешься о существовании временных поясов, любые вопросы отпадают сами собой, верно?

И все-таки. С этим факсом он потерял целый день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более *дика*, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: под ногами — круг, выложенный из пермокрита, по сторонам — железные столбы, украшенные орнаментом из желтого кристалла, и, разумеется, на одном висит неизбежная табличка с надписью, которую невозможно прочесть. Больше ничего — только мокрый зеленый луг в окружении покатых холмов, теплый вечер, мягкая трава, деревья и тихий плеск далекого ручья... Да еще пересекающиеся кольца в небесах, похожие на ржавую арматуру громадного, медленного гироскопа.

В тридцати шагах гостя ожидала старинная двухместная одноколлка, над облучком которой парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами стоял одинокий войникс. М-да, за декаду можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: поселиться вдали от факс-узла.

— Даэман Ухр? — осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Мужчина промычал в ответ и указал на выдавший виды саквояж. Маленький слуга подлетел ближе и, подцепив багаж затупившимися бивнями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, пока да гость забирался на сиденье.

— Ждем еще кого-нибудь?

— Нет, вы последний, — отозвался сервитор.

После чего зажуужал, занял полукруглую нишу возницы и звонким шелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зеленой кожи, обхватил ладонями шегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К черту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить ее. Собственно, в этом и заключалось его занятие — прельщать юных женщин. И еще коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Понятие «кровосмешения» давным-давно вымерло за ненужностью, а если бы гость и заподозрил себя в «нездоровом» влечении, то отправился бы в лазарет и подлечился. В лазарете исправляют все.

Даэман посетил Ардис-холл десять лет назад, с целью обольстить кухню Виржинию — из чистой скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войникса. Тогда-то он и увидел Аду обнаженной. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжереи для завтраков, собиратель бабочек нечаянно оказался рядом с комнатой молодых дам. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка рябое зеркало. Мутная поверхность отражала девушку, что обтирала себя губкой в тазике для омовения. На юной купальщице не было ровным счетом ничего, кроме скучающего выражения лица: очевидно, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку ее достоинств. И вот это зрелище — прелестная молодая женщина, проглядывающая из кокона девической невинности, — необычайно врезалось в сердце праздного гостя. Теперь Аде почти столько же, сколько было ему в ту пору.

Округлый полудетский рот, созревающие бедра и маленькие, но тяжелые бутоны будущей груди — даже ради них стоило замереть на месте и залюбоваться. Восхититься бледностью кожи (не важно, как долго эта девушка оставалась на солнце — ее лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), блестящими серыми глазами, сочным малиновым цветом губ и черными как смоль волосами. Воплощение эротической мечты, да и только. Культура тех лет предписывала женщинам брить подмышки, однако Ада, видимо, не принимала всерьез ее мимолетных требований. Похоже, она вообще чихать хотела на культуру. В огромном